

С того дня, когда они играли в вышибалы в крытом спортзале, прошло уже несколько дней.

В этот период Лу Юньцзэ объявил ему настоящий «холодный бой».

Хотя Лян Хаожань тогда действительно сгоряча схватил его за запястье и оставил там красное пятно, он всей душой хотел извиниться. Поэтому в последние дни, даже улучая малейшую возможность заговорить, он каждый раз натывался на глухую стену — Лу Юньцзэ неизменно игнорировал его, словно пустое место.

Эта отчужденность и ледяное высокомерие заставляли Лян Хаожаня содрогаться от холода даже в самый разгар знойного лета в Городе А.

— Хао-цзы, какого черта ты такого натворил, что Лу-шэнь теперь смотрит на тебя как на врага народа?

Даже сидевший рядом и доселе молча наблюдавший за драмой Пан Бо не выдержал и, с серьезным выражением лица пододвинувшись ближе, спросил:

— Чего-чего? С чего ты взял, не носи чушь, меньше знаешь — крепче спишь.

Лян Хаожань сначала хотел отделаться дежурной отговоркой, но этот толстяк сегодня уперся рогом и решил докопаться до истины. Делать было нечего, пришлось сболтнуть первое пришедшее в голову нелепое оправдание:

— На самом деле в тот раз я за спиной у Лу Юньцзэ умял все кусочки говядины с редиской из его порции супа. Говорю это только тебе, смотри никому не болтай.

Не признаваться же в самом деле, что Лу Юньцзэ за словом в карман не лез, а он сам, вспылив, не рассчитал сил и сделал больно человеку...

И этот наивный простак Пан Бо, к его удивлению, и впрямь поверил! Он принялся сочувственно и сокрушенно бормотать что-то о том, что, хотя он и понимает его минутную слабость, забирать у человека все мясо — это уже слишком подло...

Толстяк даже возомнил себя гением дедукции и предположил, что Лян Хаожань прикрыл Лу Юньцзэ от мяча исключительно ради искупления греха за украденную говядину.

Как же, размечтался. Настоящий толстяк, у которого в голове одна соя.

Даже несмотря на то, что Лу Юньцзэ всем своим видом показывал нежелание общаться, Лян Хаожань сдаваться не собирался.

Раз уж пообещал извиняться каждый нужное количество дней, значит, надо держать слово. Настоящий мужчина отвечает за свои поступки.

Поэтому он исправно отмечался каждый день: иногда говорил всё лично, а иногда, пока тот не видит, подсовывал ему в парту записки с извинениями.

Слова Лу Юньцзэ пропускал мимо ушей, а записки на глазах у Лян Хаожаня сминал в комок с таким видом, будто боялся, что тот не заметит его презрения.

Медицинский пластырь для снятия отека на запястье, который Лян Хаожань незаметно подсовывал ему, так ни разу и не побывал на его белом запястье.

Каждый раз, когда это происходило, сидевший рядом Хэ Цы молча наблюдал за происходящим.

На его лице, обычно тронутым ленивой улыбкой, порой проступало глубокое выражение, словно он хотел что-то сказать, но сдерживался.

— Хоть я и не знаю, за что именно ты перед ним извиняешься, по-моему, ты уже зашел достаточно далеко, пора и честь знать, — наконец не выдержал Хэ Цы и небрежно бросил.

— Я намерен извиняться до тех пор, пока он не соизволит выслушать, — ответил Лян Хаожань, даже не повернув головы.

Хэ Цы изобразил абсолютное непонимание, уставился на него и покачал головой:

— Зачем так упиваться этим мазохизмом? Собеседник явно и не думает ничего принимать. Лян Хаожань, ты, наверное, плохо знаешь Лу Юньцзэ, но я знаком с ним с пеленок и прекрасно его изучил. Если этот упрямец что-то вбил себе в голову, то будет стоять на своем до конца, и уж точно не станет легкомысленно идти на уступки.

В упрямстве Лу Юньцзэ Лян Хаожань за эти дни уже успел убедиться на собственном опыте.

Он лишь усмехнулся и повторил Хэ Цы те самые слова, которые говорил Лу Юньцзэ в тот день:

— Спрашиваешь, почему я иду до конца... Просто чувствую, что так правильно, и всё тут.

А о деталях вроде их с Лу Юньцзэ «соглашения» в тот день он распространяться не стал.

На самом деле, успокоившись и всё обдумав, Лян Хаожань понял, что истинная причина инцидента в медпункте крылась вовсе не в нем.

Хотя он действительно участвовал в том праздном обсуждении за спиной Лу Юньцзэ, но ведь не он же завел эту тему... К тому же он, по крайней мере, честно попытался перевести разговор на другое.

Лу Юньцзэ тогда решил, что его слова — сплошное лицемерие, из-за чего и вспылел. Но Лян Хаожань клялся, что в тех словах не было ни грана фальши — чистая правда.

Хотя он действительно был не прав, когда в порыве эмоций сжал ему запястье до боли...

Но, как справедливо заметил Хэ Цы, сейчас противник совершенно не намерен принимать эти извинения, и тянуть эту лямку дальше действительно выглядит странно.

Поэтому, рассуждая холодно и объективно: оптимальным решением в данный момент было бы признать, что они с Лу Юньцзэ просто не сошлись характерами, быстренько перевернуть страницу и порвать эти неловкие отношения.

Таков был результат рационального анализа.

Однако проблема заключалась в том, что эмоции Лян Хаожаня наотрез отказывались подчиняться рассудку.

Где-то в глубине души истошно вопил голос: он не хотел, чтобы всё между ним и Лу Юньцзэ закончилось вот так — неопределенно и в никуда.

Ему казалось, что нужен еще один шанс.

Шанс исправить эти трещащие по швам отношения и позволить им обоим снова нормально поговорить друг с другом.

<http://bllate.org/book/19354/1892270>